

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РАЗГОВОРНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

И. А. Мартынова

Самарский государственный экономический университет

Поступила в редакцию 9 ноября 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются прагматические причины появления в речи лексем, маркирующих перлокутивную интенцию неопределенности. Анализируются их функциональные особенности и проводится краткий обзор арсенала подобных языковых средств. Автор рассматривает рост количества данных явлений как тенденцию к усилению категории неопределенности в современном языковом сознании.

Ключевые слова: прагматика, современная разговорная речь, неопределенность, аппроксиматоры, слова-заменители, ограничители смысла.

Abstract: the paper discusses pragmatic reasons for using lexical means which mark the perlocutive intention of vagueness. Functional features of these lexemes are described and a brief review of the range of such means is presented. The author claims that the increase of the frequency of vagueness markers in speech can be treated as a sign of importance of the category of vagueness in modern language consciousness.

Key words: pragmatics, spoken language, vagueness, approximators, general extenders, fillers, hedges.

Многие ученые отмечают следующую особенность современного языкового сознания: в языке идет «очень интенсивный рост форм выражения категории неопределенности» [1]. Одной из причин этого языковеды считают способность неопределенности значительно расширять возможности говорящего в целях достижения определенного прагматического эффекта. Все это приводит к тому, что «неопределенность приобретает все большую дифференцированность и широту диапазона, а показатели определенности постепенно сокращаются как в числе, так и в употребительности» [2].

Интерес к данной категории среди лингвистов не ослабевает уже многие десятилетия. Проводятся международные семинары, конференции, по их результатам публикуются сборники [3; 4].

В западной лингвистике четко прослеживается тенденция рассматривать «неопределенность, неясность, неточность, расплывчатость, размытость» как свойство, в целом присущее естественному языку. Необходимо отметить, что это только одно из направлений, по которым движется изучение неопределенности в языке, и в англо-американских источниках оно часто обозначается как «language vagueness», либо как «linguistic vagueness».

Существует, однако, и второе достаточно широкое направление исследований. В русле этого течения «неопределенность» рассматривается в соотношении с набором определенных языковых средств, которые

считаются «неопределенными, неточными, расплывчатыми». В работе «Translating Vagueness? A Study on Translations of Vague Quantifiers in an English-Chinese Parallel Corpus» [5] языковые явления, исследуемые в русле данного направления, получили название «прагмалингвистической неопределенности» ‘pragmalinguistic vagueness’. В более ранних исследованиях к подобным словам и выражениям применяется термин «неопределенный язык» ‘vague language’. Ученые, выполняющие работы в этом ключе [3; 6–9], концентрируются в основном на изучении отдельных слов и выражений, придающих высказыванию неопределенность, неточность.

В данной работе ставится цель осмыслить и классифицировать причины, обуславливающие возникновение средств, маркирующих неопределенность. Также предпринимается попытка составить перечень этих средств.

Необходимо, однако, отметить некоторые ограничения данного исследования. Дело в том, что этот аппарат обслуживает множество разнообразных средств вербального и невербального уровней. «Vague language is lexical as well as grammatical» [10]. Для этой цели также служат интонация, мимика и жесты. Перечисление всего арсенала подобных языковых средств заняло бы слишком много места, поэтому в рамках данной работы будут рассмотрены только лексические маркеры неопределенности.

Отсутствие единой терминосистемы также усложняет задачу подробного обзора. Например, согласно классификации Дж. Чэннел [6] (которая в за-

падной лингвистике считается основателем изучения «языка неопределенности», и без ссылки на ее основополагающую авторитетную работу не обходится ни один исследователь данного направления), к средствам выражения неоднозначности и неопределенности можно отнести слова-заменители (placeholders). Однако в литературе встречается ряд других терминов, обозначающих то же явление, но обладающих некоторыми различиями, например английские «dummy nouns», «cadigans», «colloquialisms» и русские «слова широкой семантики», «экземплификант», «эксплетив» и т.д. Такая же ситуация складывается и с остальными терминами.

Учитывая вышесказанное и принимая во внимание то, что мы имеем дело с интенсивно развивающимся процессом активизации категории неопределенности, затрагивающим не только английский язык, но и многие другие языки [11–13], попытка инвентаризации подобных средств представляется еще более актуальной.

Для решения задач исследования было проанализировано несколько уровней дискурсов, которые имеют отношение к проблеме и так или иначе касаются данной темы. Условно их можно обозначить как: научный дискурс (диссертационные работы, исследования, статьи, монографии); публичный дискурс (публикации в англоязычной прессе, мнения «заочных» информантов и обсуждение проблемы на лингвистических форумах); экспертный дискурс (высказывания в тематических блогах авторитетных ученых-лингвистов).

Необходимо сделать оговорку, что процедуре анализа подверглись не только научные материалы, но и комментарии так называемых «наивных» носителей языка, не владеющих лингвистической теорией, что, на наш взгляд, позволяет делать теоретические выводы на основании практического материала из реальной жизни и может обогатить научное знание. Признавая необходимость тщательной проверки данных, полученных при изучении рефлексии «наивного лингвиста», справедливым представляется признать несомненную практическую значимость изучения оценок, исходящих от рядовых носителей языка.

Кроме того, в качестве материала для исследования были привлечены данные печатных и электронных словарей, корпусов британского и американского вариантов английского языка, художественной и популярной литературы, электронных средств массовой информации и др.

Прежде всего рассмотрим прагматический аспект возникновения средств, маркирующих неопределенность и отражающий особенности культурно-исторического и индивидуально-психологического плана. Необходимо отметить, что в данной работе разделя-

ется точка зрения Б. Фрейзера, который предлагает рассматривать неопределенность в качестве перлокутивного эффекта того или иного высказывания [14].

Британские лингвисты Д. Кристал и Д. Дейви в книге «Advanced Conversational English» приводят четыре причины, в силу которых в речи говорящего актуализируется категория неопределенности:

- 1) невозможность вспомнить нужное слово;
- 2) в языке отсутствует необходимое слово или говорящий не знает его;
- 3) предмет разговора не требует точных формулировок;
- 4) оператор неопределенности выбран говорящим преднамеренно для поддержания необходимого климата общения [6].

Со времени создания вышеприведенного списка исследователи уделяли немало внимания подробному разбору причин, порождающих многообразие средств, маркирующих неопределенность. Один из самых подробных перечней приведен в работе американского лингвиста-переводчика Д. Грина: *being polite, not committing to specifics or certainty, protecting individual identity, maintaining anonymity, promoting group identity and cohesion, reducing social distance, including insiders, excluding outsiders, sharing credit or blame, focusing on the action instead of the agent, leaving something to the listener's imagination, reserving commitment as to the truth of a statement, skipping past unimportant details to get to the main point, and other functions that fulfill a speaker's/signer's pragmatic goals* [8].

В ходе анализа комментариев носителей языка также был выделен целый спектр причин употребления лексических средств, маркирующих неопределенность: *you can't find the right word for it at the time; you don't want to make decisions; you don't want to give direct answers; you don't want to hurt another's feelings; you have feelings for two opposing answers; you don't want to give precise information, details; you are unsure; you are not interested.*

Основываясь на этих данных, можно сделать вывод о том, что реализация различных нюансов неопределенности может быть вызвана незнанием, умолчанием, сомнением, устранением избыточных сведений, дипломатическими ходами, амбивалентностью отношения или отсутствием интереса к предмету разговора, ограниченностью семантических ресурсов языка или неумением ими пользоваться.

Далее приведем список функций исследуемых лексических средств: *(they allow): to be flexible; to plan for unexpected; to wriggle room; to guessimate exact time commitments and facts in shorthand; to economize; to generalize (particularly when you need it work for you); (young people) to differentiate themselves from their parents; (younger generation) to connect with their*

peers and separate, either consciously or unconsciously, from their parents' way of speaking; to be witty, sharp, sarcastic, wry; to be polite; to be vague; to avoid responsibility; to be non-committed.

Суммируя информацию, подведем краткие итоги. Исследуемые лексические средства **обладают способностью** экономить время и сокращать процесс взаимопонимания, вследствие чего позволяют реализовать принцип речевой экономии. Могут выступать в качестве своеобразного механизма защиты, маркируя неуверенность и сомнение. Иногда выступают в роли репрезентанта категории «свой–чужой», обозначая ощущение общности или маркируя попытку отстраненности. Также исследуемые языковые единицы служат для реализации принципа деэмпфазы, продиктованного утилитарными факторами (стремление к обобщению), а уменьшая категоричность высказывания, играют прагматическую роль диминутива (*to deflate/diminish what has just been supposed*). Модифицируя неопределенность понятия, тем самым ограничивая ответственность говорящего за сказанное и способствуя сохранению лица интерактантов, могут выступать в качестве ограничителя (*hedge*). Функционируют в коммуникативном пространстве как операторы, снимающие конфликтную ситуацию и служащие оптимизации речевого контакта, тем самым реализуя стратегию коммуникативного смягчения, определяемую в западной лингвистике термином «митигация» (*to mitigate, to soften*). Также выступают в роли инструмента вежливости. В некоторых случаях, актуализируют функцию комического.

Предпринимая попытку представить инвентарь лексических средств, способствующих достижению перлокутивного эффекта неопределенности, следует разграничивать анализируемые лексемы и слова-паразиты. Показатели неопределенности иногда употребляются избыточно, тем самым попадая в категорию «речевого мусора». Причины подобной избыточности кроются в том, что «не язык навязывает их [эти средства] говорящим, а говорящие навязывают их языку. Они подобны метафоре: их употребляют по наитию, а не по приказу» [2]. Однако, несмотря на некоторые совпадения прагматических функций, в отличие от слов-паразитов лексические маркеры неопределенности, как правило, мотивированы, не всегда асемантчны и для них не характерна повышенная частотность.

С учетом ограничений данного исследования и на основе анализа научной англоязычной литературы представляется возможным предложить следующую классификацию лексических единиц, маркирующих неопределенность.

Условно средства, относящиеся в англоязычных источниках к категории прагмалингвистической не-

определенности, можно разделить на несколько групп. Рассмотрим их подробнее. К первой группе исследователи относят **устойчивые выражения, завершающие список или перечисление** (в англоязычной терминологии *general extenders; generalized list completers; set marking tags; utterance final tags; terminal tags; vague tagging; vague word clusters; post-noun hedges; additives*). Подобные выражения употребляются в конце перечисления для подчеркнутого указания на то, что его легко можно продолжить, называя такие же по значимости, виду предметы, явления, действия. То есть предполагается, что адресат легко выведет из общего контекста подразумеваемое завершение. Вот список подобных единиц:

*and things like that; and things; and all the rest of it; and all; and all that sort of thing; etcetera/etc./et cetera; and something like that; and something of that nature; or something like that; or something; or anything; and stuff; and stuff (like this/that), or stuff like that; or what/where/whoever; or so; and everything; and everything (like that/else); and that kind of thing, and that (sort of thing, sort of sh*t, type, kind, lot, sh*t); and so on and so forth.*

Примеры употребления:

*I typed some letters, reports **and so on**.*

*You have to ask a doctor or a lawyer **or someone like that**, you know.*

*The trees are turning different colors and it's nice to walk around and the state parks are nice and it's nice to go out to a restaurant **or something** you know like for a snack **or something like that**.*

*Like they're more for outdoor running **and stuff like that**.*

*She's very sophisticated and she travels **and things like that**.*

*What about sweaters **and stuff**?*

*I can call him up for advice **and things**.*

*David's a great team captain. He's decisive, determined **and all that**.*

К следующей группе относят так называемые **слова-заменители** или **слова-заполнители** (*placeholders; cadigans/kadigans; dummy nouns; fillers; colloquialisms; general nouns*) – слова, которые могут быть использованы для заполнения «данной позиции в структуре высказывания» [15–17] (например, *thingy/thingie; whatsisname, whatsername (for a woman); whatist; thingamajig; thingummybob; thingybob; thingummy*).

Примеры употребления:

'So I typed that thing up again after you'd gone', 'I haven't given you your thing back' and 'I haven't got the thingymaj'.

*I need a **thing** for the slide projector.*

*You need one of those... oh, you know, you need a **whatsit** to open that bottle.*

Have you seen, erm, thingummy, you know, the guy with glasses?

Where do you keep all the cleaning stuff?

I can't clean your bedroom floor, there's loads of stuff/things all over it.

Наконец, рассматриваются **аппроксиматоры**, которые определяются как разноуровневые языковые средства, функционирующие в сфере количественных или качественных отношений, характеризующиеся постоянным наличием гиперсемы «аппроксимативность» в структуре значения или актуализирующие ее в определенном контексте [18].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день в западной научной литературе отсутствует единый реестр языковых средств, принадлежащих к классу аппроксиматоров. Исследователи относят к нему различные лексические средства. Среди них можно условно выделить две подгруппы:

1. Аппроксиматоры, содержащие в своем составе имя числительное. К данной группе, как правило, относят наречия меры и степени (например, *almost, around* и т.п.). Также сюда можно отнести числительные, имеющие в постпозиции *-ish; -odd; -something*.

Примеры употребления:

*There were **sixty or so** people there.*

*We'll see you at **seven or thereabouts***

*It's half **two-ish**.*

*There's **twenty minutes** till the end of the game, **more or less**.*

*It'll take you **about 20 minutes** to drive there.*

*There were **roughly 50 people** at the lecture.*

2. Аппроксиматоры, не содержащие в своем составе имя числительное. В эту группу могут входить собирательные существительные (например, *oodles of, heaps of* и др.), а также местоимения-квантификаторы (например, *several, some, lots of* и т.п.).

Примеры употребления:

*The computer caused **loads / lots of problems**.*

*I've been to Prague **a couple of / a few times**.*

*She has **oodles and oodles of money**.*

В отдельную подгруппу можно отнести лексические единицы, которые В. И. Карасик называет «специальными знаками приблизительности», а Н. Д. Арутюнова именуется «модальными операторами» [2; 19]. Речь в данном случае идет о лексемах, выполняющих функции наречия или вводного слова (например, *kind of, sort of, like*) и получивших в англоязычной лингвистической литературе особое название «hedges». В англо-русском словаре по лингвистике и семиотике подобные лексемы называются **словами-ограничителями** и определяются как «лексические единицы, размывающие границы экстенционального множества языкового выражения и тем самым ограничивающие ответственность говорящего за сказанное» [15–17]. Безусловно, дискуссионным остается вопрос

о причислении ограничителей к классу аппроксиматоров. Основным аргументом для подобного решения является способность подобных языковых средств осуществлять семантическую коррекцию, внося в значение слова приблизительность. Хотя здесь уместно говорить скорее не о количественной, а качественной приблизительности.

Примеры употребления:

*He's very smart but he's also **kind of young and nanve and quiet and sort of shy**.*

*A paramedic is **a kind of doctor, or perhaps it is a sort of nurse**. I'm not sure, but they help injured people.*

*I'm **kind of happy** that school has finished, but I'll miss my friends.*

Завершая обзор средств, маркирующих неопределенность, нельзя обойти вниманием и стратегию обобщения или генерализации, которая связывает воедино все случаи употребления лексем, описанных выше. Безусловно, подобная стратегия, к которой люди прибегают в повседневной жизни в ходе коммуникации, не следует правилам логического вывода, поскольку, по справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, «прибегая к обобщению, говорящий часто руководствуется прагматическими задачами. Оно подчинено эмоциям. На него оказывают давление иллюкативные силы высказывания» [2].

В ходе исследования был проведен обзор прагматических причин возникновения и функциональных особенностей языковых средств, маркирующих перлокутивную интенцию неопределенности. В рамках данной работы также рассмотрены основные лексические единицы, относимые западным лингвистическим сообществом к арсеналу средств «языка неопределенности». Результаты исследования могут рассматриваться в качестве подтверждения тенденции к усилению категории неопределенности в современном языковом сознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Елистратов В.* Паронимия, как и было сказано... / В. Елистратов, Ю. А. Бельчиков, М. С. Панюшева // *Словарь паронимов русского языка*. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 464 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
3. *Vague Language Explored / ed. by Joan Cutting*. – Palgrave Macmillan, 2007. – 251 p.
4. *Vagueness and Language Use / ed. by Paul Égré and Nathan Klinedinst / Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition*. Palgrave Macmillan, 2011. – 336 p.
5. *Wang A. Y.* Translating Vagueness? A Study on Translations of Vague Quantifiers in an English-Chinese Parallel Corpus / A. Y. Wang, S. Piao // *The Proceedings of the Corpus Linguistics Conference 2007*. Birmingham : UK. –

Mode of access: http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/cl2007/paper/278_Paper.pdf

6. Channell J. Vague Language / J. Channell. – Oxford : Oxford University Press, 1994. – 125 p.

7. Drave N. Vaguely speaking : a corpus approach to vague language in intercultural conversations / N. Drave. – Mode of access: <http://www.corpus4u.org/forum/upload/forum/2005062401171573.pdf>

8. Greene D. J. Keeping it Vague : A Study of Vague Language in an American Sign Language Corpus and Implications for Interpreting between American Sign Language and English / D. J. Greene. – 2013. – 237 p.

9. Ruzaitė J. Translation Equivalents of Vague Language Items : A Study of General Extenders in a Parallel Corpus / J. Ruzaitė. – 16 NR. STUDIES ABOUT LANGUAGES. – 2010. – 139 p.

10. Introducing the grammar of talk – Qualifications and Curriculum Authority 2004–QCA Publications. – 60 p.

11. Нечаева Е. Ф. Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) / Е. Ф. Нечаева // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 1. – С. 98–101.

12. Петрунина С. П. Информационный шум в устной спонтанной коммуникации / С. П. Петрунина // Вестник ТГПУ. – Вып. 3 (47). Сер.: Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – С. 101–106.

13. Winter J. Set Marking Tags – ‘and stuff’ / J. Winter, C. Norrby // Proceedings of the Conference of the Australian Linguistic Society. Sydney, 1999. – 187 p.

Самарский государственный экономический университет

*Мартынова И. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
E-mail: martynov1998@rambler.ru
Тел.: 8-927-209-25-79*

14. Fraser B. Pragmatic Competence : The Case of Hedging / B. Fraser // New Approaches to Hedging / ed. by Gunther Kaltenbock [et al.]. Emerald Group Publishing Limited, 2010. – pp. 36–48.

15. Баранов А. Н. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранов [и др.] ; под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2003. – 640 с.

16. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics 6th Edition / D. Crystal, 2008. – 530 p.

17. Routledge Dictionary of Language and Linguistics–Routledge, New York, 1998. – 1305 p.

18. Адамович С. В. Семантическая категория аппроксимации и система средств ее выражения / С. В. Адамович ; под науч. ред. Л. В. Рычковой. – Гродно : ГрГУ, 2011. – 183 с.

19. Карасик В. И. Интерпретативные модусы общения / В. И. Карасик // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63), № 1, ч. 1. – С. 255–262.

ИСТОЧНИКИ

20. Corpus of Contemporary American English. – Mode of access: <http://corpus.byu.edu/coca/>

21. British National Corpus. – Mode of access: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

22. Urban Dictionary. – Mode of access: <http://www.urbandictionary.com/>

Samara State University of Economics

*Martynova I. A., Candidate of Philology, Associate
Professor of the Foreign Languages Department
E-mail: martynov1998@rambler.ru
Tel.: 8-927-209-25-79*